

УДК 821.161.1.09-21:94

Таратута Светлана Леонидовна, канд. филол. наук, доцент

Винницкий государственный педагогический университет

имени Михаила Коцюбинского, г. Винница

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИСТОРИИ В УСЛОВНО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX СТ.

Статья посвящена преломлению истории в условно-метафорической драматургии Е. Шварца и Г. Горина. Проанализировано отражение влияния тоталитарного строя на личность в пьесах «Тень», «Дракон», «Тот самый Мюнхгаузен» и «Дом, который построил Свифт». Прослежены отображенные в пьесах характерные черты тоталитарного общества, проанализирована проблема жажды власти. Растление душ простых людей рассмотрено как симптом воздействия тоталитарного режима.

Ключевые слова: условно-метафорическая драматургия, тоталитарный строй, исторические реалии, нравственная деградация, идея жажды власти.

Отображение в литературе объективной окружающей писателя действительности – бесспорный факт. Однако так же неоспоримо разнообразие форм этого отображения. И если в реалистических произведениях социальный аспект, как правило имеющий привязку к определённомu историческому этапу, считается уже с внешнего содержательного слоя, то в произведениях условно-метафорического характера всё несколько сложнее. Особенностью хронотопа таких произведений является большая обобщённость, а их анализ невозможен без пресуппозиции.

Подобную ситуацию наблюдаем в пьесах Е. Шварца и Г. Горина, преемственность творчества которых отмечают многие литературоведы. Принадлежащие к разным эпохам, эти драматурги удивительно похожи в

выборе объекта изображения и его мировоззренческой оценке. Оба обращаются к ключевым моментам истории страны, преломляя их в условно-метафорической форме, акцентируя внимание не столько на конкретно-исторических реалиях, сколько на их влиянии на людей, на межличностных отношениях.

Особенно яркое воплощение в драматургии Е. Шварца и Г. Горина нашла эпоха, породившая культ личности, особый вид государственного правления, результатом которого стали многочисленные преступления власти против собственного народа. Однако наибольший интерес у писателей вызывает всеобщая нравственная деградация, массовая развращённость людей, вызванная жёстким тоталитарным строем в стране.

В воспоминаниях о Е. Шварце Н. Чуковский напишет: «Пьесы Е. Шварца написаны в эти два страшных десятилетия, когда фашизм растаптывал достигнутое в предшествующую революционную эпоху. Сжигались книги, разрастались концентрационные лагеря, разбухали армии, полиция поглотила все функции государства. Ложь, подлость, лесть, низкопоклонство, клевета, наущничество, предательство, шпионство, безмерная, неслыханная жестокость становились в гитлеровском государстве основными законами жизни. Всё это плавало в лицемерии, как в сиропе, умы подлецов изощрялись в изобретении пышных словесных формул... чтобы как-нибудь принарядить всю эту кровь и грязь. Всему этому способствовало невежество и глупость. И трусость. И неверие в то, что доброта и правда могут когда-нибудь восторжествовать над жестокостью и неправдой. И Шварц каждой своей пьесой всему этому говорил: нет» [3, с. 37].

Безусловно, нельзя отрицать правоту этих слов и то, что отражение истории Германии гитлеровских времён наличествует в пьесах драматурга. Более того, этот факт имел некоторое влияние на историю публикации и постановки пьесы «Дракон», ибо, «написанная в 1943 г., она была воспринята как произведение, направленное против фашизма в целом и Гитлера в частности, и была разрешена к постановке практически сразу после

написания. Лишь спустя небольшой промежуток времени вчитавшиеся в произведение цензоры усмотрели неладное: уж слишком явно его содержание и образы отражали тоталитарную сущность советской действительности и лично Сталина» [4, с. 281].

Законченная Е. Шварцем тремя годами раньше пьеса «Тень» имеет сходную с «Драконом» проблематику. Продиктованные временем написания проблемы жажды власти и нравственной деградации личности в тоталитарном государстве метафорически преломлены в философских сказках драматурга.

Г. Горину, чьё основное творчество пришлось на период «брежневского застоя», выпало время не столь опасное для жизни, но настолько же нравственно выхолощенное, чем и объясняется сходство в выборе объекта изображения и его оценка, что наблюдается в пьесах «Тот самый Мюнхгаузен» и «Дом, который построил Свифт».

«Ваша страна – увы! – похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство – все это перемешано так тесно, что просто ужасаешься. Очень трудно будет все это распутать, разобрать и привести в порядок так, чтобы не повредить ничему живому» [8], – говорит Учёный в пьесе Е. Шварца «Тень», тем самым обозначая социальные и морально-этические проблемы, важные для драматурга.

Описываемые Е. Шварцем и Г. Гориним социумы при всей своей условности наполнены реалистическими чертами. Благодарные трёхголовому чудовищу, которое держит их в страхе уже четыреста лет, за то, что оно якобы защищает их от других, потенциальных, чудовищ, персонажи пьесы «Дракон» становятся отражением многомиллионного населения одной шестой части суши, славословящего отца всех народов в течение нескольких десятков лет. Образ Дракона вводит в пьесу идею развенчания культа личности, типичного для уже упомянутых тоталитарных режимов. Данная идея находит отражение в сюжетных коллизиях и художественных деталях:

атмосфере страха, ставшей привычной для жителей города, преклонении перед мнимыми заслугами тирана, вере в его непобедимость и гениальность, восприятию жертвоприношений властителю как благодарности за иллюзию счастливой жизни. Однако за мнимым могуществом тирана скрываются трусливость и коварство.

«Особый страх» – так называет Е.Шварц трепет перед авторитарной властью в пьесе «Тень», рассказывая о человеке необычайной храбрости, который упал в обморок, нечаянно толкнув тайного советника. Этот подсознательный страх не беспричинен, ибо *«плаха установлена в розовой гостиной, возле статуи купидона и замаскирована незабудками»* [8].

В государстве царят тотальная слежка и наушничество. Все жители знают, что тут даже у стен есть уши. Не дерзает защитить невинно осуждённого Учёного певича Юлия-Джули, шантажируемая обещанием найти иной, преступный, смысл в исполняемой ею невинной песенке со всеми вытекающими последствиями, что, несмотря на условный хронотоп пьесы, вписывается в контекст реальности 30–40 годов XX столетия. Убийство стало обыденным делом, ведь на улицах наряду с арбузами и цветами продаются ножи для убийц и свежие яды. Человеческая жизнь перестала быть ценностью.

Идея жажды власти в пьесах Е. Шварца и Г. Горина становится уделом низких, подлых, примитивных или попросту некомпетентных людей. Стремится жениться на Принцессе и сесть на трон Тень из одноимённой пьесы – обуреваемое лидерскими амбициями хитрое, коварное ничтожество, которое всегда было на вторых ролях. *«Господа! Это жестокое существо погубит вас всех. Он у вершины власти, но он пуст. Он уже томится и не знает, что ему делать. И он начнёт мучить вас всех от тоски и безделья»* [8], – предупреждает Учёный отказывающихся верить в очевидное людей, когда Тень делает головокружительную карьеру благодаря хитрости, подлости и не без поддержки высокопоставленных людей, боящихся допустить к власти человека честного и порядочного. Место убитого

Ланцелотом Дракона без труда благодаря попустительству граждан занимает Бургомистр, цинично присваивающий совершённые другим подвиги, поддерживаемый не менее подлым сыном Генрихом – первым учеником при всех учителях. В пьесе Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» в образе герцога Георга автор высмеивает человека, находящегося не на своём месте. Будучи талантливым портным, интересуясь только выкройками и фасонами, он вместо этого осуществляет верховную власть.

Проблема власти становится для драматургов поводом проанализировать её влияние на граждан. Причём характер этого влияния различен в пьесах драматургов. Г. Горин акцентирует внимание на стремлении к унификации, деиндивидуализации масс с целью более лёгкой манипуляции их сознанием. Так, в пьесе «Дом, который построил Свифт» автор рисует образ великана Глюма, отличающегося от сограждан не только грандиозным ростом, но и прекрасным образованием, жаждой самосовершенствования и желанием работать на благо своего государства. Однако «гениально одарённый великан Глюм <...> не нужен стране, на благо которой хочет применить свои знания. Власти не нужны талантливые и образованные. Серая среднестатистическая посредственность – вот её выбор [5, с. 275]. Горин саркастически повествует о процессе вынужденной деградации Глюма, по требованию власти опускающегося до уровня своих унифицированных соотечественников: *«Итак, я стал уменьшаться! Это самое страшное из всех наказаний. Всякий знает, как трудно взбираться вверх, но обратный путь всегда тяжелей. Не спрашивайте, как я это делал. Специальная гимнастика, диета, разнообразные поклоны, приседания... Я спускался вниз, как по тропинке, фут за футом, ежедневно приближаясь к уровню сограждан. С головой было труднее всего, но тут помог алкоголь. Ежедневный трехкратный прием алкоголя, и ты очищаешь свою башку от ненужных знаний и мыслей. Первый год я с трудом забывал все то, что усвоил в академии, затем пошло легче. За месяц я забыл колледж, за неделю – гимназию. На забывание философии ушло дня три, на*

историю – сутки. Потом на эту... как ее... ох, господи... В общем, ее забыл почти без напряжения часа за два. Одним словом, постепенно превратился в нормального господина средних размеров. Устроился здесь, в Дублине, нашел службу в одной конторе, неплохо зарабатывал. Женился, построил домик... Отличный домик, сэр. Маленький, с участком» [2]. Не зря, рисуя гротескный образ Глюма, Г. Горин вспоминает о системе разнообразных поклонов и приседаний, необходимых для пути вниз и являющихся неотъемлемыми атрибутами подобострастия перед властью имущими.

Серое, однородное, лживое, хоть и светское общество обрисовано Г. Гориним в пьесе «Тот самый Мюнхгаузен». Ненавидящие барона его жена и сын, отнюдь не прочь заработать дивиденды на его памяти и мемуарах о столь яркой и необычной личности, каковой является Мюнхгаузен, уничтожаемый ими и им подобными и подталкиваемый к сознательному уходу – превращению в среднестатистического обывателя. В их планы, таким образом, не входит «воскрешение» барона, в связи с чем они устраивают судилище-фарс, дабы не лишиться своих доходов и не выйти из зоны комфорта.

Влияние власти, как правило тоталитарной, на самосознание граждан гораздо более жёстко обрисовано в пьесах Е. Шварца. Казнь личности с целью помочь воцариться на престоле её тени в контексте времени создания пьесы перестаёт быть метафорой, равно как и реакция публики на то, что после произнесения слов: «Тень, знай своё место», – присутствующему на церемонии светскому обществу становится очевидно, что выдающий себя за личность негодяй не что иное, как амбициозная тень. Однако этого публике мало. Привыкшее подчиняться, преклоняться и подобострастничать общество примет в качестве лидера любое ничтожество. Об этом уже в следующей своей пьесе скажет Е. Шварц: *«Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмёт возжжи»* [7]. Однако в пьесе «Тень» нет убитого дракона, который долгие годы терроризировал людей. Есть внутренний дракон, который разъедает душу каждого и за которого каждый в

ответе. Одной из самых ярких в пьесе «Дракон» является характеристика растленных многолетней тиранией человеческих душ, которые автор называет глухонемыми, цепными, легавыми, окаянными, дырявыми, продажными, прожжёнными, мёртвыми. Результат растленности этих душ особенно чётко прослеживается, когда их владельцы отказываются воспринимать реальность и, будучи свидетелями боя Ланцелота, готовы присягать на верность Бургомистру, абсолютно искренне называя его победителем Дракона и, как в старые времена, отдать ему в жёны лучшую девушку. Автор даёт картину глазами Ланцелота, который рисковал своей жизнью и был готов погибнуть за свободу людей, чьи души, вытравленные и вытоптанные, были способны лишь на преклонение и подобоострастие:

Ланцелот. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й горожанин. Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Ланцелот. Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й горожанин. Дома знал... — а на параде... *(Разводит руками.)* <...>

Ланцелот. Что мне делать с вами? [7]

Последствия тирании чрезвычайно глубоки и опасны, как показала история. А потому пророчески звучат слова Ланцелота: *«Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придётся убить дракона»* [7].

«В движении истории, по мысли Шварца, из двух тенденций общественного развития – жёстко формализованной диктаторской власти и жизни, естественно развивающейся на основе вечных общечеловеческих ценностей (любви, дружбы, творчества), – должна победить вторая» [1, с. 203]. Эти слова справедливы и для творчества Г. Горина.

В каждой из рассматриваемых пьес показана личность, протестующая против существующего общественного уклада: Учёный («Тень»), Ланцелот

(«Дракон»), Мюнхгаузен («Тот самый Мюнхгаузен»), Свифт («Дом, который построил Свифт»). Они практически всегда не счастливы и не поняты окружающими, однако именно в этих образах сосредоточена авторская концепция, на их стороне нравственная победа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головчинер В.Е. Эпическая драма в русской литературе XX века / В.Е. Головчинер. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. – 320 с.
2. Горин Г. Дом, который построил Свифт / Г. Горин. – Режим доступа: <http://flibusta.is/b/357548/read>
3. Мы знали Евгения Шварца. – Л.–М., 1966. – С.37.
4. Таратута С.Л. Аллегория как способ воплощения авторской позиции в пьесе Е.Шварца «Дракон» / С.Л. Таратута // Мова і культура: Науковий журнал. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. – Вип. 18. – Т.V (180). – С. 280-287.
5. Таратута С.Л. Художественная интерпретация философских категорий жизни и смерти, любви и власти в драматургии Евгения Шварца и Григория Горина / С.Л.Таратута // Кременецькі компаративні студії: [науковий часопис / ред.: Чик Д.Ч., Пасічник О.В.]. – Хмельницький: ФОП Цюпак А.А., 2016. –Вип.VI. – С. 269–278.
6. Цимбал С. Шварц и его сказки для театра / С. Цимбал // «Тень». Сказка в 3-х действиях Е.Шварца. – 1940. – С. 14.
7. Шварц Е. Дракон / Е.Шварц. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017802/6/Shvarc_-_Drakon.html
8. Шварц Е. Тень / Е.Шварц. – Режим доступа: <http://lib-drama.narod.ru/schwarz/ten.html>

Таратута Світлана Леонідівна, канд. філол. наук, доцент

Вінницький державний педагогічний університет імені Михайла Коцюбинського, м. Вінниця

ВІДБИТТЯ ІСТОРІЇ В УМОВНО-МЕТАФОРИЧНІЙ ДРАМАТУРГІЇ ХХ СТ.

Статтю присвячено відбиттю історії в умовно-метафоричній драматургії Є. Шварца і Г. Горіна. Проаналізовано відображення впливу тоталітарного устрою на особистість у п'єсах «Тінь», «Дракон», «Той самий Мюнхгаузен», «Дім, який побудував Свіфт». Простежені відображені в п'єсах властиві тоталітарному суспільству риси, проаналізована проблема жаги влади. Розтління душ простих людей розглянуто як симптом впливу тоталітарного режиму.

Ключові слова: умовно-метафорична драматургія, тоталітарний устрій, історичні реалії, моральна деградація, ідея жаги влади.

Taratuta Svetlana Leonidovna, PhD, docent

Vinnitsia State Mykhailo Kotsyubynskyi Pedagogical University, Vinnitsia.

THE INTERPRETATION OF HISTORY IN CONDITIONAL-METAPHORIC DRAMATIC ART OF 20th CENTURY

The article is devoted to the interpretation history of conditional-metaphoric dramatic art of E. Schwartz and G. Gorin. The reflection of the totalitarian system influence on the personality in the plays "Shadow", "Dragon", "The same Munchausen" and "The House that Swift built" is analyzed. The totalitarian society features depicted in the plays are traced, the problem of lust for power is analyzed. The defilement of ordinary people souls is considered as a symptom of totalitarian regime.

Key words: conditional-metaphoric dramatic art, totalitarian system, historical realities, moral degradation, idea of lust for power.